

Михаил Лавровский: в классическом танце можно быть бездарным

Ксения Маршанская

предлагали преподавать в хореографическом училище?

— Разговоры на эту тему шли, но — на уровне буфета. Официальных предложений не было. Кроме того, в свое время я находился в конфронтации с дирекцией Большого, а школа с театром пребывают в альянсе. Поэтому меня пригласить побоялись.

— Побоялись как профессионала?

— Не-ет. На профессионализм как раз уже всем давно, грубо говоря, наплевать.

— Уже не различают?

— Почему не различают? Наоборот. Все все видят.

— То есть?

— Объясняю. Существуют два варианта, скажем, руководства искусством. Первый — окружить себя личностями: тогда искусство будет иметь развитие (другое дело, вы можете полететь с должности, так как личности могут оказаться интриганями). Второй — окружить себя нулями полными. Будете царствовать сколько угодно, но пострадает дело. Второй вариант разумнее.

— А Григорович понимает, что от этой разумности страдают в первую очередь его же спектакли?

— Думаю, понимает. Он же умный человек. Но ему, по-моему, все равно уже... Лично я считаю, что лев лучше, чем мелкий хищник; даже если он твой враг. Впрочем, об этом лучше говорить с самим Григоровичем.

— Если бы вас сегодня пригласили преподавать в хореографическом училище, вы бы согласились?

— Сейчас мне уже не хочется. Хотелось первые два-три года после ухода из Большого. Все хорошо в свое время. Сейчас я преподаю в студии Григоровича, даю мастер-класс. С этими ребятами я работаю с удовольствием, потому что они хотят работать. В Большом же, может, я и огульно говорю, но основная масса

артистов не работает. Я не имею в виду солистов, у них другая ситуация: каждый отвечает за себя. Остальные — просто не хотят. Я понимаю, что Большой сейчас не подарок, но из театра никто не уходит, потому что марка Большого везде остается первой.

— А какой смысл держаться за плохую марку?

— Если вы приедете за рубеж и скажете, что вы — балерина не Большого, к вам будут относиться не с таким пиететом.

— Но, наверное, в первую очередь будут смотреть на то, что я умею делать на сцене.

— Понимаете, за границей сейчас все хорошо танцуют, особенно поднялся уровень женского танца.

— Помимо того, что большинство артистов, как вы говорите, работать не хочет, выучены ребята хорошо?

— Я считаю, что уровень нашей школы понижается. Катастрофически.

— Приблизительно с какого года?

— Лет пятнадцать-двадцать. Хотя, допустим, Грачева, Степаненко, Ананишвили... Всегда есть исключения из правил. Но общий уровень... Как вам сказать... Мы теряем свое и не приобретаем ничего у Запада. Кроме того, мы потеряли мужской анлерный танец, начатый Чабукиани, Ермолаевым, Мессерером, Сергеевым и продолженный в шестидесятые артистами моего поколения — Васильевым, Владимировым, Липпой, Тихоновым и другими.

— Это что — такая тенденция?

— Может быть. Может быть. Нужно окупиться в школу.

— Вы приходите в класс. Перед вами стоят сформировавшиеся восемнадцатилетние артисты балета. Среди них много непрофессионалов, с вашей точки зрения?

— С моей — очень много.

— В чем это конкретно проявляется? Неграмотные позиции? Плохие данные?

— Позиции как позиции. И данные есть замечательные... Понимаете, весь ужас в том, что они абсолютно не знают законов школы. Да, хорошие данные, никто не спорит.

Но танцевать по законам координационного построения позы не умеют. Как оперный певец, обладающий от природы хорошим голосом, из-за незнания правил пения дерет глотку. Толку от такого певца никакого. Я спрашиваю у своих ребят: у вас был характерный танец? Да, был. Начинают показывать, и я ничего похожего с тем, чему учили нас, не вижу. Мы в училище изучали академический характерный танец, никоим образом не претендующий на народный. Но для чего существовал этот предмет? Характерный танец развивает в первую очередь чувство стиля и позы танца на сцене. Я уже не говорю об индивидуальности, которая прошибает на сцене все и существует за пределами правил... Понимаете, в классическом танце можно быть бездарным. Прыжок, фигура, элевация, чистое исполнение — внутри можно быть пустым, как барабан. В характерном танце нельзя быть бездарным. Потому что, если вы не чувствуете музыки, стиля, тело не координирует, на сцене вам делать нечего. У нас были замечательные педагоги. Мы делали на уроке и кульбиты, и присядку, и ноги ни у кого не болели. Возьмите любого танцовщика моего поколения, предложите станцевать народный танец — все сделают. Могут не сделать двойной содебаск, но станцевать сиртаки, пыганский, грузинский — какие проблемы могут быть? Ну, уйдет пять-десять минут на разучивание комбинации. Но проблем с координацией никаких. Я уже не говорю о блистательных танцовщиках характерного танца: Сех, Симачев, Камалетдинов, Капустина, Касаткина, Богуславская, Трембовельская, Варламова. Не бездумно несущиеся по сцене девочки и мальчишки, которым все равно что танцевать: что испанский, что армян-

Михаил Лавровский в недавнем прошлом один из выдающихся танцовщиков Большого театра. В настоящее время — актер, хореограф. Постановщик последней премьеры Большого — балета «Казанова» на музыку Моцарта.

ский, что французский — а ни на кого не похожие личности на сцене.

— А сами ребята понимают, что до профессионализма им далеко? Как-никак Большой театр, история, есть с чем сравнивать.

— Думаю, нет. Даже многие ведущие танцовщики не являются, с моей точки зрения, теми профессионалами, которые могли бы передать ученику законы танца. Ученика нужно учить по правилам. Не так, как это делали на сцене вы сами. А по азбучным законам классического и характерного танца. Потом уж он разовьет свой талант, в процессе работы. Микеланджело — гений, но законы леп-

ки, рисунка он знал. Он же не просто прибежал с топором к скале, шарахнул по ней, и получился Давид... Знаете, какая основная черта русского человека? Предательство.

— В каком смысле?

— Как холуйство, сидящее у нас в крови. В Большом был блистательный характерный танцовщик Сергей Корень. Когда Большой впервые выехал за рубеж, английская пресса покритиковала Кореня за исполнение характерных танцев. Мы тут же набросились на него и хотели чуть ли не утопить. Хотя Корень танцевал ни в коем случае не народные испанские (в принципе ненужные в классическом балете), а стилизованные характерные танцы, блистательно поставленные для академического классического балета Горским в «Лебедином», «Дон Кихоте» и т. д. Но. Мы же не смеялись, когда англичане танцевали классической репертуар в своей интерпретации. На такую классику смешно было смотреть. Однозначно: люди хотят танцевать, но не умеют. При этом мы их принимали такими, какие они есть. И сегодня они достигли потрясающей культуры исполнения классического балета.

— Вы были главным балетмейстером Тбилисского театра оперы и балета. Тбилисская балетная школа сильнее московской?

— Одинаковые. Все педагоги в Тбилиси или из Москвы, или из Ленинграда.

— Но в Москве, по-моему, нет ни одного ленинградца.

— Укусников преподавал... Вообще в сегодняшний балет я бы не пошел. Никогда в жизни.

— Танцевать нечего?

— Понимаете, я видел на сцене Ермолаева, Чабукиани, Габовича, Фалеечева... Кто-то танцевал лучше, кто-то хуже, но прежде всего эти артисты создавали на сцене мужские

образы. Это был театр, решенный музыкой и человеческим телом. То, что я вижу сейчас, — хорошо прыгающих, вертящихся девочек и мальчиков, — не для меня. Формального танца я не признаю.

— Молодые артисты знают эти фамилии?

— Ну, может быть, из учебников. Как ни странно. Хотя что — как ни странно...

— Если б сейчас в Большой пришел другой балетмейстер, что-нибудь изменилось бы?

— Абсолютно ничего. Я уже говорил, основная масса артистов работать не хочет.

— Если бы Бежар приехал!

— Если бы приехал Бежар... Первоначально бы они работали. Хотя... нет. Если хорошо заплатят и поездку пообещают, будут работать. Нет поездки — уьют на месте. Тут даже нельзя искать виноватых.

— В Большом вам работать неинтересно.

— Честно говоря, я устал. Поставить спектакль и годами находиться в простое? Так я не могу. В общем, я не жалею о судьбе, но за все время работы у меня был единственный балет, который я поставил так, как хотел: первый джаз-балет «Порги и Бесс». Во всех других случаях я катастрофически зависел от режиссера, монтажера, дирижера...

— А вы не хотите создать балетную школу в Москве?

— Бессмысленно. Мы уже пробовали.

— Почему не получилось?

— Каждая звезда тянет одеяло на себя.

— Как вы думаете, московская балетная школа пропала окончательно?

— Я думаю, она вернется.

— Откуда?

— Из нуля.

— Оптимистичный ответ. Работы вашего отца молодые ребята хорошо знают?

— Думаю, не знают вообще.

— А имя Леонида Лавровского слышали?

— Ну, наверное, по балетным

книгам разве что... Знаете, когда раньше артист дебютировал в крохотной партии, весь театр стоял за кулисами. Сейчас ребята не знают даже, что такое «Щелкунчик». Отпахав первый акт, дерут домой. Что будет во втором — представления не имеют... Вообще, чтоб не знать «Щелкунчика», нужно, конечно, дойти до точки.

— Леонид Михайлович Лавровский мог бы работать в сегодняшнем Большом театре?

— Нет. Он был очень принципиальный человек. Он специально окружал себя людьми очень значимыми, начиная с такого великого артиста, как Алексей Ермолаев. Да, он страдал. Его снимали с руководства по пятнадцать раз, но уровень театра рос.

— Несколько лет назад шли разговоры о восстановлении «Ромео и Джульетты» в редакции Лавровского.

— Абсолютно провальный вариант. Во-первых, две редакции спектакля просто не могут идти в репертуаре одного театра. Во-вторых, в спектакле моего отца все образы значимые. Он же поставил драматический балет. Как может выйти на сцену герцог на худосочных ножках, ни телом, ни жестом — ничем не владеющий?!

— А имя вашего отца почитаемо в Большом?

— Ну, как почитаемо? Кто чуть-чуть младше меня, конечно, знает. Кто помоложе, может, не знает о нем вообще ничего. Да и я их не знаю, честно говоря.

— Они вам не интересны.

— Нет.

— А вы им?

— Да, наверное, тоже.

— Нет ли в этом предательства по отношению к самому себе? Какой смысл тогда работать?

— Я хочу, как любой артист, приносить пользу. Пока я преподаю в студии Григоровича, потому что там есть ребята, которые хотят работать. Если мне мало-мальски хорошие условия будут предложены, все, что могу, отдам ученикам.